

В. П. БУРЕНИН

Критические очерки. Разговор

— Представьте, меня обвиняют, что в разговоре с вами о бывшем священнике Григории Петрове я «задел» некую чрезвычайно известную и, можно сказать, даже высокопоставленную духовную особу.

— Кого же именно?

— Ну, как вы полагаете?

— Право, не знаю. В нашем разговоре мы упоминали о митрополите, к которому г. Григорий Петров писал письмо. Так, может, вы митрополита задели?

— Нет, не митрополита. Поднимайте выше.

— Да какая же духовная особа может быть выше митрополита? Патриарха у нас нет, папы тоже.

— Оказывается, однако, что есть такая «духовная» особа, которая еще более высоко поставлена.

— Кто же эта особа?

— Черт.

— Как так черт?! Разве он духовная особа?

— А то как же: по преимуществу духовная, потому что черт ведь дух. Да мало еще что духовная особа, он тоже и владетельная: «князь мира сего».

— Да, разве вот в таком смысле... Кто же вас обвиняет в том, что вы «задели» черта, и чем же вы его задели?

— Обвиняют меня разные анонимные корреспонденты из светских да, по-видимому, и из духовных лиц. А задел я, видите ли, черта тем, что назвал его существом химерическим, то есть, значит, усомнился в его подлинном существовании и этим самым как бы устранил из мира, так сказать, целое ведомство, специально ему подчиненное ведомство «зла» и «греха». Таким отрицанием черта и устранением целого подчиненного ему ведомства я, по тол-

кованиям одних лиц, меня обвиняющих, сам впал в «грех неверия, худший из всех грехов», а по толкованию других, «видимо выказал кощунственный атеизм, ибо, отметая духа зла, дьявола, который “искони бѣ”, недалеко уже и до отметания самого Творца мира». Вот-с в каких ужасах оказался я повинен, мирно и скромно беседуя с вами о лицемерном бывшем попе. И всего курьезнее вот что: корреспонденты мои, и светские и духовные, за изобличения лицемерия и мнимо-либерального духовного фиглярства г. Григория Петрова меня похваляют и одобряют, а за предполагаемое ими «отметание» черта порицают и горячо оспаривают мой «легкомысленный и предосудительный» взгляд на «врага человеческого рода». За бывшего отмеченного церковью попа никто не заступился, его никто не защищает; а за черта, отмеченного мной, «светским писателем, видимо, плохо знакомым с духовными вопросами и высокими проблемами религии», еще как заступаются-то, как его обороняют! Читая в письмах, мною полученных, разные назидания мне за отрицание черта, я не раз повторял про себя стих из «Казначейши» Лермонтова: «Старик защитников нашел!»¹ Да еще каких защитников: в большинстве, кажется, из присяжных служителей Бога. Так, по крайней мере, я полагаю, судя по тому, что корреспонденты, выступающие адвокатами черта, в своих письмах осыпают меня текстами из Нового и Ветхого Заветов, которыми, очевидно, желают опровергнуть мое мнение о том, что черт существо химерическое, и поддержать несомненную реальность его бытия и его княжеского господствования над человеческим родом.

— Ага, текстами вас донимают. А вы, кажется, вообще недолюбливаете тексты?

— Вообще нет. А в полемике, в виде доказательств справедливости или ложности суждения, действительно, пожалуй, недолюбливаю или, точнее сказать, боюсь текстов. Боязнь эта у меня — результат того обучения «закону божию», которым угнетали меня, как, вероятно, и всех моих сверстников в школьные года, да, конечно, и теперь угнетают точно так же. Ведь всех нас учили «закону божию» самым диким и формальным образом, в этом надо сознаться. В основу обучения «закону божию» в доброе старое время рекомендовалось мудрое правило: «не надо знать, чтобы веровать, но нужно веровать, чтобы знать». Следуя этому мудрому правилу, и предлагали формальные подтверждения разных религиозных истин формальными текстами, предлагая их «долбить» без всякого понимания их сущности. Формальное долбление текстов без разумения их смысла и разбора, относятся ли они к подкрепляемым ими религиозным «истинам», или

не относятся, было тем более удобно, что тексты предлагались на славянском языке, не все славянские слова были знакомы школьникам, а пастыри не трудились разъяснять их настоящий смысл. Вот благодаря такой милой системе преподавания «закона божия» я, как и многие, полагаю, со школьной скамейки усвоил себе некоторую невольную боязнь текстов. До сих пор, сознаюсь в этом откровенно, когда я вместо опровержения или подтверждения какой-нибудь мысли встречаю в таком роде возражения или доказательства: «Пророк Федос глаголет: аще» или «Пророк Ермил речет: бяше», — до сих пор меня тревожит, с одной стороны, некоторый страх перед такими глаголениями и изречениями, а с другой — некоторая неохота вступать в прения с теми, кто вместо резонных отрицаний или утверждений устремляет на меня звуки глаголений, часто совсем не относящихся к делу, а иногда даже не имеющих смысла или имеющих совсем не тот смысл, который предполагают любители глаголений... Впрочем, не в этом, конечно, суть дела: об этом я разговаривался, как старик в «Цыганах» Пушкина, «припоминая старую печаль». Суть дела в том, что защитники «несомненного бытия» черта напрасно утруждают себя для вразумления моего неверия в него приискиванием подходящих текстов.

— Как же так напрасно? Разве вы признаете черта?

— Не только признаю, но даже и хвоста и рогов у него не «отметю», пускай себе гуляет в аду и по земле во всей своей условной красоте с хвостом и рогами. Поэтому мои корреспонденты, доказывающие мне подлинное «нехимическое» бытие черта текстами из книг, признаваемых «ветхими», но тем не менее почитаемых почему-то священными, — мои корреспонденты, говорю я, могут успокоиться на сей счет. Я даже думаю составить особый «доклад» о несомненном происхождении черта не из надземных сфер, а прямо от человеческой глупости, и прочесть этот доклад в Петербургском религиозно-философском обществе, подражая в этом случае гг. Мережковскому и Розанову, которые там предлагают «проблемы нового религиозного сознания» и возбуждают разные интересные прения. Навел меня на эту мысль именно один из «докладов» моего почтенного товарища В. В. Розанова, напечатанный в первой книге «Русской мысли» за настоящий год.

— О чем же докладывает почтенный Василий Васильевич и какие новости он вносит в существующее «религиозное сознание»?

— Он докладывает «о сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира». В качестве религиозного новатора, как многие новато-

ры этого рода, дошедшего до всего наподобие гоголевского судьи Тяпкина-Ляпкина «сам собой, собственным умом», он изобретает прелюбопытные «религиозные проблемы». Вот, например, первая проблема: «Если кусок из прозы Гоголя, самый благожелательный, самый, так сказать, бьющий на добрую цель, вставить в Евангелие, — то получим режущую, несносную какофонию, происходящую не от одной разнокачественности человеческого и божественного, слабого и сильного, но от разнокатегоричного: невозможно не только в евангелиста вставить кусок Гоголя, но и в послания какого-нибудь апостола». Оставляя на минуту в стороне вопрос о том, для чего потребовалось многоуважаемому г. Розанову вставлять в Евангелие или в апостольские послания «куски из прозы Гоголя», можно сказать с такой же утвердительностью, что не только среди проповеди на горе или послания к коринфянам было бы странно встретить отрывки из «Мертвых душ» или из «Записок сумасшедшего», но, я полагаю, и во всяких других писаниях религиозного или философского характера. И в учении Будды и Конфуция, и в трактатах Платона и Аристотеля или Канта тоже изображения походов Чичикова, Собакевича, Ноздрева, Поприщина кажутся неподходящими. Можно, пожалуй, и более резкий пример в этом роде предложить: таблицу умножения тоже в Евангелие или в апостольские послания не вставишь, равно как и наоборот: евангельские или апостольские поучения в арифметику не подойдут. Тем не менее г. Розанов делает такую, как он выражается, «мысленную инкрустацию», делает ее для того, чтобы «с помощью» этой «мысленной инкрустации» доказать, что «Христос никогда не смеялся», что нельзя даже представить, «улыбался ли Христос», что «печать грусти, пепельной грусти очевидна в Евангелии». Почему же он, однако, полагает, что Христос никогда не смеялся? Смех — одно из человеческих свойств, и так как даже богословие признает в Христе, в дни его воплощения на земле, все человеческие свойства, то, конечно, отнимать от Христа смех было бы не резонно. В Евангелии, правда, нигде не упоминается, что Христос смеялся; но ведь там, кажется, не говорится также и о том, что Он плакал. Значит, отсюда можно вывести, следуя логике г. Розанова, что Христос «никогда не плакал». Но г. Розанов, напротив, придает Христу специальную грусть, да еще какую-то пепельную, т. е. погребальную. Вот и пойдите вы с этими проповедниками нового христианского сознания, они распоряжаются с Христом, как им желается, не справляясь с логикой и рисуя Его религиозный образ по своей фантазии.

«Пепельная грусть», усматриваемая г. Розановым в Евангелии, и отсутствие у Христа смеха ужасно волнуют и тревожат нашего проповедника «нового религиозного сознания». Г. Розанов, видите ли, чрезвычайно желает предаваться всяким приятным занятиям: петь, танцевать разные танцы вроде канкана или матчиша, играть хоть на гармонике по крайней мере, кушать варенье и вообще что-нибудь сладенькое, и в особенности же пробавляться «влюблением» и теми специальными удовольствиями, которыми влюбление должно сопровождаться, по его мнению, сколь возможно чаще. «С христианской же точки зрения», основанной на «пепельной грусти» Евангелия, все эти желаемые г. Розановым блага, которые, на его взгляд, именно и составляют сущность жизни человека, не очень-то поощряются. С христианской точки зрения, видите ли, «невозможна акция (?), усилие, прыжок (?), игра (курсив г. Розанова) в сфере ли искусства, или литературы, или смеха, гордости (?) и проч. Варенье вообще дозволено, но не слишком вкусное, лучше испорченное (?), а еще лучше — если бы его не было». Где, в каких евангельских или апостольских поучениях, в каких текстах усмотрел все это г. Розанов — его секрет. Он уверяет, что «не помнит, улыбался ли Христос». А мы, я полагаю, с большим правом можем сказать, что не помним евангельских изречений в таком роде: «истинно, истинно говорю вам, не производите акций, не делайте усилий и прыжков»; или из апостольских в таком: «братие, вкушайте варенье, но не слишком вкусное, а еще лучше испорченное». Но, конечно, мы потому только не помним таких изречений, что знакомы лишь со старым Евангелием, отживающим, даже, пожалуй, отжившим уже свой век, и со старыми апостольскими посланиями, не знаем теперешнего евангелия, возвещаемого проповедниками «нового религиозного сознания», не знаем посланий этих проповедников. Право, надо бы издать для руководства в наши дни евангелие от Василия Васильевича Розанова и его «послания» к Мережковскому, которые, конечно, с успехом могут заменить послания Павла к Титу или Тимофею.

— Да, вот вы шутите, смеетесь, а ведь право, если поглубже взглянуть, тут совсем не веселое явление — эти порывы современных наших Тяпкиных-Ляпкиных к поднятию таких мниморелигиозных и мнимо-новаторских «вопросов», как вопрос о том, что Евангелие если и позволяет христианам употреблять варенье, то «не слишком вкусное, лучше испорченное».

— Я с вами вполне согласен на этот счет. С формальной точки зрения, конечно, такие вопросы довольно комичны. Но их

возникновение несомненно свидетельствует, что в головах и сердцах нашей так называемой современной интеллигенции господствует изумительнейший сумбур понятий и чувств. Каждый, кому взбредет в голову какой бы то ни было вздор, спешит сообщить его во всеобщее сведение, рекомендуя признавать в этом вздоре великую и, главное, будто бы «новую» религиозную истину.

Одному покажется, что к черту надо относиться благоговейно, что нельзя отрицать несомненности «бытия» черта, что необходимо в этом пункте заступиться за «старика»; нисколько не смущаясь, тотчас же защитник черта выступает с полным убеждением в настоятельной своевременности подобной защиты.

Другому взбредет в голову, что Христос и апостолы возбраняют «вкусное варенье» и дозволяют только «испорченное», что вообще учение Христа отрицает все «сладенькое», и тотчас же любитель сладенького предлагает с легким сердцем отрешиться от учения Христа как несоответствующего новому «религиозному сознанию». Уже и это само по себе очень ясно доказывает, насколько прискорбен сумбур в умах поклонников черта и отрицателей Христа. Но еще было бы с пол-горя, если бы на этом дело и останавливалось. Мы видим нечто гораздо худшее: отрицателей, в таком роде третирующих учение Христа, у нас теперь сплошь и рядом признают за проповедников нового религиозного сознания, за серьезных мыслителей, с которыми надо считаться, которым надо возражать. Вот, не угодно ли взглянуть, как в ответном «докладе» на «доклад» г. Розанова в Религиозно-философском обществе оценивает почтенного любителя «вкусного варенья» и всего «сладенького» г. Бердяев, если не ошибаюсь, один из наших присяжных философов². По свидетельству г. Бердяева, «В. В. Розанов очень пугает христиан, как старых, так и новых. Затрудняются отразить его удары, считают самым опасным противником Христа, как будто у Христа могут быть опасные противники, как будто делу Христа могут быть нанесены неотразимые удары. А Розанов враг не христианства только, не исторического христианства, а прежде всего и больше всего самого Христа». Вот какой ужасный субъект г. Розанов, если верить г. Бердяеву. Не напоминает ли отношение к г. Розанову как «опасному» врагу Христа отношение гоголевского городничего к вольнодумному судье Амосу Федоровичу Ляпкину-Тяпкину? «О, я знаю вас, вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются», — говорит городничий, и Ляпкин-Тяпкин самодовольно отвечает: «Да ведь сам собою дошел, собственным умом». Не знаю, может быть, я ошиба-

юсь, но почтенный философ г. Бердяев, кажется, напрасно предполагает вместе со старыми и новыми христианами такую ужасность в г. Розанове. Удары «делу Христа», наносимые натиском «собственного ума», без должного изучения, не могут быть опасными никому, кроме разве того, кто их наносит. Многоуважаемый Василий Васильевич провозглашает, что он не читал «Жизни Иисуса» Ренана, «французского вольнодумца», как он его обзывает. По всей вероятности, он не читал и Штрауса и других подобных «вольнодумцев», относившихся критически к Христу и евангельским писаниям. Но этим, право, нечего хвалиться. Если бы г. Розанов попробовал почитать этих и других «вольнодумцев», то он бы убедился прежде всего в том, что учение Христа нельзя трактовать так, как трактует его он, г. Розанов, т. е., по известному выражению, «с кондачка». У присяжных «вольнодумцев» он научился бы, как надобно относиться к такой личности, как Христос, как надо относиться к учению Христа и к такому явлению, как историческое христианство. А научившись этому, он, вероятно, понял бы сущность проповеди Христа не в отрицании «сладенького», а в ясном и положительном разумении смысла человеческой жизни. Поняв это, быть может, г. Розанов понял бы и то, что он отнюдь не какой-нибудь новатор, указующий еще неведомые горизонты «религиозного сознания»...

— Может быть, вы и правы, но знаете что: мне кажется, вам не следовало бы говорить так резко про В. В. Розанова.

— Почему же?

— Да потому, что он, как и вы, сотрудник «Нового времени».

— Так что же? Я и прежде говорил и теперь повторяю: я очень почитаю и уважаю писания В<асилия> В<асильевича> и в «Новом времени», и в других органах, когда он пишет о том, что он хорошо изучил и хорошо понял, а не о том, чего он не изучил и чего не уразумел. Мало ли он на своем литературном веку делал разных весьма курьезных «прыжков». Я, как и теперь, столь же откровенно указывал ему на такие прыжки, сердись он или нет. Когда несколько лет назад, будучи самым ярким формальным «книжником» ложного христианства, он обличил «безбожие» Толстого и грозил даже тем, что Бог, может быть, наказывает Толстого за его будто бы антихристианские взгляды болезнью его жены³, я ставил на вид В<асилию> В<асильевичу> неприличие и неразумие таких фарисейских изобличений и угроз. Ну вот точно так же и теперь, когда В<асилий> В<асильевич> сделал «прыжок» совсем в противоположную сторону и превратился из мнимого формального христианина в мнимого религиозного новатора с замашками комического отрицания перевираемого

им учения Христа, — вот и теперь я ставлю на вид нелепость таких выходов, может быть и искренних, но все же, кажется, больше всего основанных на желании подыграть под лад настроению современности. Если г. Розанов любит «прыжки» и хочет прыгать даже на манер того, как это делают танцоры в самом современном танце — в матчише — это его дело, конечно. Но я на старости лет не могу приветствовать такое прыгание: мне оно претит...

